Вечер в общих залах Слизерина наступил рано. Грозовые тучи, угрожавшие горизонту этим утром, пролились, прогоняя студентов с территории школы. Команда Слизерина по квиддичу пыталась прорваться сквозь непогоду, отчаянно пытаясь успеть потренироваться перед первой игрой с Гриффиндором, но в итоге их тоже загнали обратно в змеиную яму.

В этом скоплении Слизерина, попавшем в неловкое время между уроками и ужином, Снейп сидел, хмуро глядя в круг своей банды. За прошедший месяц расстановка не претерпела особых изменений. Он по-прежнему сидел на видном месте, вместе с Эйвери слева от него и Розье справа. Малсибер снова занял место в кругу, потому что Снейп решил посадить его с ними за обеденным столом, косвенно включив его обратно в группу. Мальчик не сказал ни слова благодарности, но он больше не делал попыток осложнить жизнь Снейпу. Не хуже, чем благодарность гордого Слизерина.

Единственным реальным изменением, которого удалось добиться Снейпу, стало появление Лестера, сидящего на табурете прямо за его левым плечом.

"Грязнокровка, правда, Снейп?" возразил Треверс в тот день, когда Снейп привел мальчика в круг.

"Мне стало скучно, и я хотел узнать, можно ли приручить одного из них". Снейп пренебрежительно ответил, пожав плечами. "Если мы должны иметь их в нашем благородном Доме, мы должны, по крайней мере, обеспечить им презентабельный вид. Мы не можем допустить, чтобы наша репутация была запятнана бродягами".

По кругу змей пронесся жестокий смешок. Лестер опустил глаза и закрыл рот, но Снейп мог видеть его покрасневшие уши. Треверс снисходительно ухмыльнулся, но слегка кивнул. "Ясно. Проследи, чтобы его грязные корни не были так заметны".

Обидная должность, которую ни один Слизерин не смог бы принять, смилив свою гордость, но Снейп знал, что мальчик, проживший пять лет в страхе и одиночестве, ухватится за любую предложенную должность, какой бы унижительной она ни была, так же крепко, как за спасательный круг. Это было не идеально, но идеальных решений не бывает.

Лестера по-прежнему в основном игнорировали, но теперь он хотя бы сидел за Снейпом. С ним обращались как с частью мебели, но, по крайней мере, над ним больше не издевались в его собственном общежитии. До тех пор, пока Снейп продолжал проявлять к нему благосклонность в отстраненно непринужденной форме, более мелкие члены банды не издевались над ним. Другие члены Слизерина, способствовавшие возникновению ситуации, отступили, не желая связываться с будущими Пожирателями смерти.

В оживленном общем зале банда Слизерина заняла большую часть пространства и сидячих мест, расположившись, как обычно, в центре зала, прямо на пути эффективного прохода. На повестке дня снова было хвастовство: четверокурсник Руфус Гиббон набросился на пятикурсника Гриффиндора из семьи с известными наклонностями к политике предателей крови. Это был обычный смех и похлопывания по спине за простой случай с вывернутыми ушами, которые мадам Помфри могла вылечить за несколько минут после консультации.

В этом возрасте даже самый преданный приверженец чистокровной крови не решался причинить серьезный и длительный вред, особенно если они были еще слишком малы, чтобы полностью понять, почему они должны ненавидеть тех, кого ненавидят. Одобрение сверстников только укрепляло такое поведение, и со временем они просто переставали сомневаться в нем. Раздался еще один раунд жестокого смеха, когда мальчик-гиббон подражал

реакции своей гриффиндорской жертвы. Снейп зажмурил глаза, звуки извращенного смеха терзали его череп.

Мрак палаты плохо сказывался на терпении Снейпа. Окна, прижатые к брюху Великого озера, и в лучшие времена давали плохое освещение. Но сейчас, когда солнце было заложником нависших туч, свет не пробивался сквозь мутно-зеленые слои. Хлещущий дождь не звучал так далеко под замком, бури приносили темноту только в подземелья, и никогда не было слышно ритмичного стука капель о стекло и камень.

"Ты в порядке, Снейп?" нерешительно спросил Эйвери, заметив насупленные брови и стиснутые зубы Снейпа. Со вздохом Снейп просто кивнул, если бы его спросили снова, он бы просто солгал и назвал это головной болью, а не спиральным чувством разочарования, из которого он не мог выбраться.

"Опять скучно?" пробурчал Треверс, сузив темные глаза. "Можно подумать, что после того, как гриффиндорцы ежедневно подставляют тебе задницу, ты захочешь послушать советы".

С мрачным спокойствием Снейп шелковисто ответил. "Напомните мне еще раз, как вы победили в последней потасовке".

Глаза Уилкса на мгновение расширились, а настроение Трэверса рядом с ним стало еще мрачнее. На прошлой неделе у двух семикурсников произошла неприятная стычка с близнецами Прюэтт, закончившаяся для каждого из них задержанием и снятием баллов.

С оскаленными зубами Треверс шипел. "По крайней мере, меня не подвешивали, как индюка, с выставленными на обозрение всей школы яйцами!"

Полоса раскаленного докрасна гнева пронзила Снейпа. Сколько бы времени ни прошло между ним и тем инцидентом, простое упоминание о нем вызывало в нем ненависть.

"И все же мы с тобой не сомневаемся, кто окажется наиболее полезным, когда наступит момент". Снейп зашипел, и все прежние представления о том, что лодка не должна раскачиваться, пошли прахом под его внезапной неконтролируемой яростью. " Скажи мне, Трэверс? Как ты думаешь, насколько ты будешь полезен Темному Лорду, если ты едва справляешься с Защитой?"

С рычанием Трэверс встал, возвышаясь над креслом Снейпа, с палочкой, зажатой в кулаке. Все отступили назад из круга, глаза расширились, неуверенность в политике снова показала свою уродливую голову. Снейп даже не потрудился встать; он невозмутимо смотрел вверх, небрежно опустив голову на ладонь с пальцами, нежно прижатыми к виску.

"Хочешь начать что-то Трэверс?" Маленькая жестокая улыбка скривила его губы. "Во что бы то ни стало, покажи мне мое место, используй все средства, на которые способен".

Высокий мальчик не двигался, гнев все еще был написан на его лице, но он не действовал. Его нерешительность сказала все. Он боялся младшего мальчика, юного Слизеринца, который, как все знали, был гением. Этого мальчика, который слишком стремился к умиротворению, которому до этого года, казалось, суждено было стать лишь полезным инструментом.

"Так ты уступаешь?" спросил Снейп у неподвижного агрессора.

Его голос словно разрушил чары. С рычанием седьмой курс взмахнул своей палочкой и обрушил ее на зазевавшегося выскочку. Прежде чем палочка сделала дугу, она выскочила из

его руки и, пролетев через всю комнату, ударилась о стену. Все подскочили от неожиданного резкого грохота, и в тесной общей комнате воцарилась тишина.

Снейп медленно встал, бережно держа в руке свою собственную палочку; никто даже не видел, как он ее достал. Небрежным движением без слов он вызвал к себе палочку Треверса и слегка перехватил ее в левую руку. Молча он протянул ее обратно своему противнику, рукояткой вперед, и тот без колебаний выхватил ее обратно. Злость исчезла с лица мальчика, а на смену ей пришло беспокойство и осознание того, насколько неудачным был этот обмен.

Снейп наклонился и прошептал. "Наказание за то, что ты говоришь громче своих возможностей, там гораздо суровее". Его голос был достаточно громким, чтобы его услышали те, кто стоял ближе всего. "Не считайте себя выше меня из-за вашего возраста. Жизнь не такова, что все приходят первыми".

С этими словами дерзкий выскочка повернулся и выскочил из общего зала, оставляя за собой отвисшие челюсти и недоверчивые взгляды.

<http://tl.rulate.ru/book/75461/2284905>